

Т.У.С.Э.Н.

СУМАХ

18+

Т.У.С.Э.Н. Т.У.С.Э.Н. Сумах

<https://litres.ru/74299799>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы прекратить вековую вражду, Зураб Искендеров берёт в жёны дочь бедного мастера-ковродела, Алишера Мамезаде. Во время свадебного пира отец невесты дарит молодожёнам старый ковёр, и это событие становится началом древнего ритуала, который...

Рассказ о том, как любовь становится орудием, а ненависть — единственной правдой.

Т.У.С.Э.Н.

Сумах

Воздух в предгорьях Наджи благоухал теплом очагов и сладостью спелых гранатов. Солнце, ещё не набравшее полную силу, золотило резные балконы богатых домов, с цветными витражами. Но стоило светилу заглянуть в ремесленный квартал, как оно будто тускнело, сминаясь о стены из почерневшего от времени и копоти ракушечника. Дома здесь жались друг к другу вплотную, образуя узкие, кривые улочки, где даже в полдень царил глубокий, сырой полумрак. И даже воздух здесь был совершенно другим. Вместо аромата фруктовых деревьев в квартале царил дым кизяка и запах едкой овечьей шерсти, вымоченной в чанах с купоросом.

В тени огромного, многовекового ореха, под сенью раскидистых ветвей сидел Алишер. Он тоскливо смотрел на свой дом. Некогда крепкое, добротное строение из дикого песчаника превратилось в ветхое жилище, чьи стены покрылись сетью извилистых трещин. Когда-то он, Алишер Мамезаде, был известным на всю округу мастером. За его коврами охотились купцы из самого Тифлиса и Баку. Работая у станка, он чувствовал себя настоящим художником, оживляющим бездушное полотно.

А теперь он глубокий старик, едва сводящий концы с концами. Бедность повсюду оставила следы. Она въелась в сте-

ны дома и скудную пищу. Но не это было самое печальное. Главная боль сидела намного глубже, в сердце, выжженном ненавистью дотла.

Пальцы, когда-то ловкие и быстрые, а теперь кривые и узловатые, словно корни старого винограда, с неистовой, почти слепой яростью вплетали алую нить в основу будущего ковра, заставляя крутиться волчком ветхую каляхчу с нитками. Работа мастера стала похожа на ритуал отчаяния. Каждый туго затянутый узелок походил на каплю крови... Крови его старшего сына, Джавида, павшего от пули родича Зураба Искандерова. Крови, что кричала с земли, требуя отмщения. И Алишер поклялся выплатить долг. Поэтому он продолжал вплетать свою месть в податливую ткань, чувствуя, как тяжесть лет и горечь утраты множат его никчёмность.

— Ата, он идёт, — прошептала Лейла, отодвигая занавеску.

Сердце девушки тяжёлой глыбой скатилось к ногам, а потом рванулось обратно, к горлу, заставляя кровь бить в виски частым, предательским барабаном. Этот стук был громче зова муэдзина, настойчивее шёпота матери. Он заглушал всё, кроме вины, что поднималась в ней горьким комком.

По дороге, разбрызгивая копытами вороного жеребца липкую грязь, скакал Зураб. Даже издали был виден, слепящий глаза, золотой отблеск газырей на его щёгольской черкеске. Каждый их блик, был словно насмешкой над их бедностью и убогой, застывшей в скорби, жизнью.

— Всевышний глух к моим молитвам, — ворчливо ожил Алишер, не отрывая глаз от узора. — Семья Искандеровых хуже, чем Яджужджи и Маджуджи, да простит меня благочестивый Зу-аль-Карнайн. Сын вероломного Наримана ничуть не лучше отца. Яд той же змеи.

Старик с силой дёрнул нить, и челнок злобно щёлкнул по деревянной основе.

— Пусть дэв заберёт его душу раньше, чем он переступит порог моего дома. Думает, что может всё купить. Честь? Память? Кровь? Он предлагает золото, словно оно может отмыть руки, испачканные в крови моего сына. Его богатство это проказа, что разъедает душу. И этот нечестивец пришёл заразить и нас.

Лейла не ответила. Лишь покрепче сжала в кулаке подол рабочего платья. Ненавидеть Зураба Искандерова — священный долг. Правило, по которому жили в их доме с той самой роковой стычки у моста, где её старший брат погиб от руки дяди Зураба.

Но глаза Лейлы Мамезаде, эти предательские посланцы измученной души, вопреки воле и здравому смыслу, памяти о брате, выхватывали в фигуре всадника нечто иное. Она любовалась его широкими плечами и гордым поставом головы, бросавшим вызов не только их семье, но, казалось, и самому солнцу. Лейла чувствовала в Зурабе силу.

И самое страшное было в том, что где-то глубоко внутри, в потаённом уголке сердца, не тронутым горем, эта сила нахо-

дила отклик. Жуткий, запретный, пьянящий, первобытный порок, от которого перехватывало дыхание, а душа разрывалась на части между долгом и роковым влечением.

Зураб осадил коня у покосившегося плетня, отделявшего жалкий дворик от улицы и соскочил на землю. Сапоги, тонкой выделки, глухо стукнули по мощённой камнями тропинке.

— Салам алейкум, Алишер-ага, — нарочито празднично поприветствовал он, и Лейла почувствовала, как по спине бегут мурашки.

— Мир твоему дому, если ты пришёл с миром, — отрезал старик, не поднимая глаз. — Но разве может быть мир между волком и овцой?

Зураб коротко усмехнулся, подошёл ближе, и тень от его высокой каракулевой папахи накрыла Алишера, укрыв от палящего солнца.

— Я устал от древних сказок, ага. Горы стареют, реки меняют русло, а мы всё точим кинжалы о память предков. Я предлагаю новую песню.

Он на мгновение перевёл взгляд на Лейлу. Глаза-маслины, блеснули хищным азартом. Девушка отвела взгляд, сделав вид, что смотрит куда-то вдаль, на вершины гор, но щёки залились предательским румянцем.

— Какую же? — ядовито поинтересовался Алишер. — Песню о том, как род Мамезаде преклонил колено перед семьёй Искандеровых? Не бывать такому!

— Песню о мире, — солнечно улыбаясь, отвечал Зураб. — Я не буду поднимать руку на седины твои. Законы гор великодушны к старикам. Ведь есть другой путь. Древний. Мирный. Справедливый.

Он сделал паузу, давая словам настояться.

— Отдай мне свою дочь, Лейлу. Я возьму её в жёны. Наш союз похоронит вражду. Твоя кровь смешается с моей, и никто не скажет, что род Алишера был унижен. Скажут, что он породнился с сильным домом. Ты сохранишь лицо. А я... — Зураб снова бросил взгляд на девушку, и в этот раз в его глазах промелькнул жадный интерес. — Я получу этот прекрасный цветок, что ты по неразумию своему прячешь от солнца в тени своей нищеты.

Лейла ахнула. Сердце заколотилось в груди пойманной птицей. Ненависть? Да. Он враг. Но от предложения, такого наглого и великодушного одновременно, перехватило дыхание. Выйти за него? В этот большой дом с витражами? Быть женой этого дэва, красивого и могущественного?

Алишер поднялся. Весь его тщедушный стан дрожал от бессильной ярости.

— Предлагаешь отдать тебе моё последнее сокровище? Единственную дочь? Тебе? Тебе, племяннику того, чья пуля сразила моего Джавида? Чтобы Лейла стала пленницей в золотой клетке? Чтобы я каждый день знал, что дитя моё дышит одним воздухом с убийцей своего брата?!

— Я предлагаю закончить войну, ага, — в голосе Зураба

звенела сталь. — Не примиришься сегодня, завтра твой очаг остынет навсегда. Думай... Я пришлю старейшин за ответом.

Он развернулся и вышел со двора, легко запрыгнул в седло и, прежде чем уехать, ещё раз мельком взглянул на Лейлу.

Когда топот копыт окончательно затих вдали, с Алишером случилась странная перемена. Вся его напускная твёрдость мгновенно испарилась. Он схватился за грудь и взорвался надрывным кашлем, с трудом отдышавшись. Казалось, тень Зураба, накрывшая его, забрала с собой последние силы.

— Видишь, дочка? Он не хочет убивать меня. Хочет мучить. Сделать посмешищем! Вырвать с корнем мой род и посадить на его место свой гнилой побег! Воистину: сытый ишак хуже Иблиса.

Лейла опустила голову.

— Я ненавижу его, ата, — выдохнула она, почувствовав, как ложь обжигает губы. — Я никогда не пойду к нему.

— Пойдёшь. Ты пойдёшь к нему в дом. Но клянусь пророком он пожалеет, что не пустил в ход кинжал. Ибо есть вещи страшнее смерти.

Услышав слова мужа, Сонна-ханум, выронила медный кувшин из ослабевших рук. Сосуд с глухим стуком покатился по земляному полу.

— Что ты несёшь, старик? — её голос дрожал от возмущения. — Клятвы мести на пороге дома, где готовятся к свадьбе? Ты накличешь беду на всех нас!

Она схватила Алишера за рукав.

— Он предлагает мир! Зураб богат, могущественен! Лейла будет, как княгиня жить, в шелках и драгоценностях. А маленький Мурад... — Сонна-ханум с тревогой посмотрела в дальний угол комнаты, где рядом с печкой, на кошке мерно посапывал мальчик лет десяти, — ... Мурад вырастет не с кинжалом в руке, а с пером! Сможет учиться. У него будет будущее!

Алишер отстранился.

— Будущее? Какое будущее у мальчика, если честь его отца растоптали? Он будет прислужником в доме убийцы старшего брата. Нет, Сонна. Иногда мир, купленный ценой чести, горше войны.

Двор дома Зураба, утопающего в тени громадного чинара, пылал, как гигантский праздничный очаг. Густой, обжигающий воздух трепетал от криков музыкантов и зажигательных мелодий на таре и зурне. Десятки гостей в самых ярких своих нарядах хлопали в ладоши и дружно кричали «Аффарин!» без усталости пляшущим танцорам.

Бараний жир с дразнящим шкворчанием шипел на углях, сбрасывая в ночь фонтаны рубиновых искр. Дурманивший, пряный дым от десятков мангалов с шашлыком смешивался со сладким, тяжёлым ароматом пахлавы и шекербуры. Огромные медные подносы, отполированные до зеркального блеска, буквально ломились под горами рассыпчатого пилавы с шафраном, свежей зелени и сладостей.

Зураб не скупился. Он выставил напоказ богатство, чтобы весь Наджи говорил не только о свадьбе, но и о великодушии к побеждённому врагу.

Лейла, в шелковом платье, расшитом привезёнными из самого Стамбула серебряными нитями, сидела на возвышении, подобно драгоценной кукле в лавке ювелира. Лицо скрывала плотная вуаль, но даже сквозь неё она видела будущего мужа, Зураба, который походил на героя из старых сказок, что она читала в детстве. Когда его твёрдая и горячая рука, изредка касалась запястья, Лейла замирала, чувствуя, как предательская краска разливается по щекам. Она должна была ненавидеть своего врага, но сердце глупо и непослушно стучало в такт дикому ритму зурны.

Мать невесты, Сонна-ханум, в подаренном Зурабом новом платье, выглядела немного потерянной и испуганной. Она нежно обнимала маленького Мурада, наряженного в бархатный кафтан. Мальчик, притихший и напуганный праздничным шумом, жался к матери, держа в руке кусок пахлавы, которую почему-то боялся откусить.

«Ради него, — пронеслось в голове Лейлы. — Это всё ради него. Он будет жить, учиться. Не погибнет из-за этой проклятой вражды».

Алишер держался в стороне от всеобщего веселья. Не пил вина, не вкушал еды. Сидел, прямой и недвижимый, подобно горе Шагдаг. Его тёмные, глубоко запавшие глаза, неотрывно следили за Зурабом. В позе старого мастера не было сми-

рения или благодарности. Алишер наблюдал, делал руками странные пассы, будто сжимал невидимое веретено, на которое по крупницам сматывал эту пышную, шумную радость, чтобы сплести из неё нечто иное.

Зураб произнёс тост за мир между семьями. Одарил родителей невесты дорогими подарками: Сонне — шелковую шаль, а Алишеру — трубку из слоновой кости.

И вот настал долгожданный момент даров молодожёнам. Гости один за другим подносили серебро, расшитые золотом ковры, изысканное оружие в богатых ножнах.

А затем настала очередь отца невесты.

Шум поутих, сменившись натянутой, почти звенящей тишиной. Все присутствующие прекрасно знали давнюю историю вражды двух семей, и потому с затаённым дыханием ждали, что же подарит «побеждённый».

Алишер медленно подошёл к столу, держа в руках свёрнутый в рулон ковёр: старый, истёртый, тёмных, почти чёрных тонов. Его узор, покрытый вековой патиной, казался слишком мрачным и неуместным для столь радостного торжества.

— Мой дар новому очагу, — сухо проговорил Алишер. — Это не просто шерсть и нить. Это память. Табасаранский сумах моего прадеда. На этом ковре молились наши предки. Пять поколений. На нём молился и мой старший сын... перед тем как отправиться в свой последний путь. В него вплетены молитвы моего рода. Пусть они хранят ваш союз.

Гробовая тишина воцарилась на пиру. Зураб нахмурился,

уловил в словах тестя скрытый укор. Но старик продолжил, глядя прямо на него:

— Пусть он стелется у вашего очага. Пусть каждый узелок, завязанный руками предков, напоминает о прочности рода. О том, что некоторые узлы не развязываются. Они лишь... становятся... крепче.

Алишер с усилием развернул ковёр и расстелил его у ног молодых. В свете факелов древний узор казался живым: багряные линии напоминали застывшие потоки крови, а переплетения чёрных нитей складывались в пугающие, не то древние письмена, не то символы.

Наступила неловкая пауза. Зураб, после секундного замешательства, высокомерно ухмыльнулся. Он сделал шаг и поставил ногу в центр тёмного узора.

— Принимаю твой дар, ага Алишер. Он займёт достойное место в моём доме. Рядом с другими... трофеями. Будет мне напоминать о... прочности союза двух семей.

Сонна-ханум дёрнула мужа за рукав. Её глаза просили, умоляли: не отвечай! Алишер поклонился, коротко и сухо, отошёл назад, в тень.

Музыка грянула с новой силой, но веселье уже было «отравлено». Слова Зураба повисли в воздухе ядовитым туманом. Лейла с суеверным страхом разглядывала тёмное пятно на полу. Не раз она слышала рассказы об отце. Говорили, будто он ткал не ковры, а судьбы. Ворожил. Знал секрет, о котором ему поведали могущественные джинны. За

деньги или из мести мог вплести в узор чьё-то имя, лицо, жизнь. И тогда с человеком начинали происходить странные вещи: он слышал по ночам тихий шёпот ткацкого станка, видел на стенах танцующие нити. А потом несчастного находили мёртвым: его тело застывало в позе, в точности повторяющей один из узоров ковра.

И с этим ковром, тоже было явно что-то не так. Он словно дверь в их новую жизнь. И Алишер только что впустил в неё нечто древнее, тёмное и очень голодное...

Свадебное торжество отгремело на славу. Тягостные мысли о кровной вражде постепенно вытеснило волнение перед брачной ночью. Воздух вокруг наполнился ароматом расплавленных свечей, терпких благовоний и удушливо-сладких дорогих духов, что щедро разлили на невесту служанки перед тем, как отвести в опочивальню.

Лейла присела на край широкого ложа, застеленного простыней из атласного шёлка, и почувствовала, как под тонкой рубашкой-кейнёк дрожит каждая жилка. В ушах до сих пор стоял гул неутомимой музыки и голос отца, обещающий страшную месть. И вот теперь Лейла здесь. Одна. В логове врага.

Дверь в спальню отворилась без стука. В проёме возник тёмный силуэт. Зураб... Он сбросил расшитую золотом черкеску и остался в тонкой белой рубаше, растёгнутой на груди. От него пахло дорогим вином, горелой травой и мужской,

животной силой. Тёмные глаза, блестящие и уверенные, обожгли похотливым прищуром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.